

Сабанчиева, Масхадова и другие: стратегический выбор Европейского Суда в делах об особом порядке погребения террористов

Максим Тимофеев*

Автор комментария анализирует два постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам против России, в которых поднимался вопрос об особом порядке захоронения лиц, убитых при совершении ими террористических актов: «Сабанчиева и другие против России» и «Масхадова и другие против России». Отмечая, что выводы Суда стали результатом стратегического выбора, автор считает, что комментируемые решения являются, по меньшей мере, методологически спорными.

→ *Европейский Суд по правам человека, Конвенция по защите прав человека и основных свобод, право на уважение частной и семейной жизни, право на эффективное средство правовой защиты, похороны, терроризм*

Введение

В июне 2013 года Европейский Суд по правам человека (*далее* — Европейский Суд; Суд) вынес два постановления по жалобам против России, касающимся практики применения особого порядка захоронения лиц, убитых при совершении ими террористических актов: «Сабанчиева и другие против России»¹ и «Масхадова и другие против России»². Предметы этих жалоб частично пересекаются: заявители жаловались на то, что

отказ российских властей выдать им тела убитых родственников для захоронения нарушил требования статей 8 и 9 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция), взятых отдельно или в сочетании со статьями 13 и 14 Конвенции³. В этой части Европейский Суд принял идентичные по своему результату и обоснованию решения⁴, постановив, что в обоих делах российские власти нарушили право заявителей на уважение частной и семейной жизни и право на эффективное средство правовой защиты.

* Тимофеев Максим Тимофеевич — кандидат юридических наук, докторант факультета правовых исследований Центрально-европейского университета (Будапешт, Венгрия) (e-mail: timofeyev.max@gmail.com).

¹ European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Sabanchiyeva and Others v. Russia*. Application No. 38450/05. Judgment of 6 June 2013. Перевод данного постановления на русский язык размещён на сайте организации «Правовая инициатива по России», которая представляла интересы заявителей в Европейском Суде: URL: <http://www.srji.org/resources/search/185/> (дата обращения: 13.07.2013).

² ECtHR. *Maskhadova and Others v. Russia*. Application No. 18071/05. Judgment of 6 June 2013.

³ Статья 8 Конвенции защищает право на уважение частной и семейной жизни; статья 9 — свободу мысли, совести и религии; статья 13 — право на эффективное средство правовой защиты, а статья 14 запрещает дискриминацию.

⁴ Жалобы, впрочем, не были одинаковыми. В *деле Масхадовой* заявители также жаловались на нарушение права их родственника на жизнь, как в материальном, так и в процессуальном аспектах (ст. 2 Конвенции). В *деле Сабанчиевой* заявители дополнительно утверждали, что условия хранения и опознания тел их погибших родственников, а также отказ выдать тела нарушил право не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению (ст. 3 Конвенции).

Как и в деле «*Константин Маркин против России*»⁵, нарушения, в отношении которых Европейский Суд признал власти Российской Федерации ответственными в комментируемых делах, явились результатом применения положений российского законодательства. Как и в деле *Константина Маркина*⁶, рассматривало жалоб в Европейском Суде предшествовало разбирательство в Конституционном Суде Российской Федерации (*далее* — Конституционный Суд), окончившееся неблагоприятным для заявителей результатом⁷. Тем не менее, комментируемые постановления не вызвали ни бурной реакции российских властей, ни широкого интереса со стороны средств массовой информации, ни внимания профессионального сообщества, аналогичных тем, которые в своё время «взорвали» российский эфир в связи с делом об отпуске по уходу за ребёнком для военнослужащего мужского пола. На мой взгляд, отчасти это связано с тем, что тема анонимного захоронения террористов табуирована и предана забвению, подобно телам этих людей. Однако частично ответственность за такое положение дел лежит и на Европейском Суде по правам человека, который предпочёл избрать весьма спорный подход к анализу жалоб заявителей.

Краткое изложение фактических обстоятельств

Оба комментируемых дела касаются отказа российских властей выдать тела убитых род-

ственников заявителей для захоронения. Данные отказы были основаны на законодательных положениях, не предполагающих свободы усмотрения применяющих их должностных лиц. Особый порядок погребения «лиц, смерть которых наступила в результате пресечения их террористической акции» (*далее* — террористы) был введён после захвата боевиками заложников в Театральном центре в Москве во время мюзикла «Норд-Ост» (октябрь 2002 года). Включённая в закон «О погребении и похоронном деле» статья 14.1 гласила, что тела террористов «для захоронения не выдаются, и о месте их захоронения не сообщается»⁸.

В деле *Сабанчиевой* заявителями выступили родственники 55 лиц, убитых при совершении нападения на правоохранительные органы в г. Нальчик в октябре 2005 года⁹, а в деле *Масхадовой* — вдова и дети Аслана Масхадова, погибшего 8 марта 2007 года в ходе спецоперации по его задержанию¹⁰. После смерти родственников заявителей уголовное преследование в отношении первых было прекращено, и были приняты решения об их погребении в соответствии с особой процедурой, не предполагающей участия родственников¹¹. И в первом, и во втором случае заявители обращались в соответствующие органы власти с просьбой выдать тела для погребения. В удовлетворении этих просьб им было отказано. Заявители также предприняли попытки обжаловать постановления о прекращении уголовного преследования в

⁵ ECtHR. *Konstantin Markin v. Russia*. Application No. 30078/06. Judgment of 7 October 2010. Перевод данного постановления на русский язык см.: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10. ECtHR [GC]. *Konstantin Markin v. Russia*. Application No. 30078/06. Judgment of 22 March 2012. Перевод данного постановления на русский язык см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 года № 187-О-О/2009 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «Гарант»; текст Определения официально опубликован не был.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 4.

⁸ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле», в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146. Положение о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164 (Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12. Ст. 1139), более детально регулирует соответствующий порядок.

⁹ Жалоба была подана 50 заявителями.

¹⁰ Родственники Аслана Масхадова утверждали, что он был убит представителями российских властей; российские власти утверждали, что его неумышленно застрелил его племянник и телохранитель Висхан Хаджимуратов.

¹¹ И в деле *Сабанчиевой*, и в деле *Масхадовой* копии постановлений следователей (от 25 марта 2005 года и от 15 мая 2006 года соответственно) заявителям предоставлены не были.

отношении их родственников, однако безрезультатно. Тела террористов, атаковавших государственные структуры в Нальчике, были позднее кремированы¹².

Ряд заявителей обратились в Конституционный Суд, утверждая, что законодательные положения, устанавливающие особый порядок захоронения террористов, не соответствуют Конституции Российской Федерации¹³. Конституционный Суд установил, что право человека быть погребённым после смерти согласно его волеизъявлению, с соблюдением обычаев и традиций, религиозных и культовых обрядов вытекает из Конституции России¹⁴. Однако он отказался признать особый порядок захоронения неконституционным. Конституционный Суд указал, что в определённых конкретно-исторических условиях установление такого порядка может быть признано обоснованным, поскольку публичные интересы борьбы с терроризмом, устранения последствий террористических актов, которые могут вызвать массовые беспорядки, столкновения между различными этническими группами, конфликты между родственниками лиц, подлежащих захоронению и остальным населением, превалируют над частным интересом быть погребённым в соответствии с убеждениями и обрядами¹⁵. Дополнительно Конституционный Суд отметил, что отказ в выдаче тел и применение особого порядка захоронения находится в прямой зависимости от результатов уголовного преследования в отношении погибших террористов, и поэтому родственникам должна быть гарантирована возможность судебного «обжалования постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении принимавших участие в совершении террористического ак-

та лиц в связи с их смертью и, соответственно, обязанность суда рассмотреть такую жалобу по существу»¹⁶. Конституционный Суд также постановил, что останки погибших не могут быть захоронены до вступления таких судебных решений в силу¹⁷.

Выводы и аргументация Европейского Суда

Заявители обжаловали отказ передать тела их родственников для погребения в Европейский Суд, ссылаясь на ряд положений Конвенции¹⁸. Суд сосредоточил своё основное внимание на нарушении требований статьи 8 Конвенции.

Прежде чем перейти к рассмотрению жалоб по существу, Европейский Суд решил вопрос о применимости статьи 8 Конвенции и наличии «вмешательства» в осуществление прав заявителей, предусмотренных этой статьёй¹⁹. Суд сослался на дела, в которых ему ранее пришлось столкнуться с жалобами на действия и решения национальных властей, приведших к задержкам в выдаче тел родственников заявителей для захоронения, невозможности участия в церемонии похорон, а также перезахоронения урны с прахом²⁰. Далее Суд отметил, что российское законодательство устанавливает общее правило, по которому родственники усопших, желающие организовать похороны, имеют право получить тело незамедлительно после установления причины смерти²¹. При этом данное общее правило не распространяется на родственников лиц, «уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения данной террористической ак-

¹² Sabanchiyeva and Others. § 26.

¹³ Заявители ссылались на требования статьи 21, 22, 28 и 29 Конституции России, гарантирующих охрану достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова, мнений и убеждений.

¹⁴ См. абзац 2 пункта 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 года № 8-П.

¹⁵ См. абзац 5 подпункта 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 года № 8-П.

¹⁶ Пункт 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 года № 8-П.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. сноски 3 и 4 выше.

¹⁹ Sabanchiyeva and Others. § 117–123. Maskhadova and Others. § 208–212.

²⁰ ECtHR. *Pannullo and Forte v. France*. Application No. 37794/97. Judgment of 30 October 2001; Cour européenne des Droits de l'Homme (далее — CEDH). *Girard c. France*. Requête No. 22590/04. Arrêt du 30 juin 2011; CEDH. *Hadri-Vionnet c. Suisse*. Requête No. 55525/00. Arrêt du 14 février 2008; ECtHR. *Elli Poluhaš Dödsbo v. Sweden*. Application No. 61564/00. Judgment of 17 January 2006. Детальный анализ этой категории дел см.: Тимофеев М. Право на уважение частной и семейной жизни в контексте захоронения родственников в практике Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2013. № 2(6). С. 12–24.

²¹ См. статьи 5–8 Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле».

ции»²². В результате заявители не могли получить тела своих родственников, не могли участвовать в церемонии похорон, а также не обладали информацией о местах захоронения и были лишены возможности их посетить. Это, с точки зрения Суда, составило очевидное вмешательство в частную и семейную жизнь заявителей. Такое вмешательство в соответствии с требованиями статьи 8 Конвенции должно быть, во-первых, предусмотрено законом, во-вторых, преследовать законную цель, и, в-третьих, быть необходимым в демократическом обществе.

Европейский Суд без затруднений установил, что решения российских властей не выдавать тела родственников заявителей для погребения были «предусмотрены законом»²³. Данный критерий в первую очередь означает, что решение властей должно иметь «некоторое основание в национальном праве»²⁴. Однако этого не всегда бывает достаточно: необходимо, чтобы правовые нормы, сообщающие действиям властей формально «законный» характер, в свой черёд соответствовали требованиям к *качеству закона*. Закон, на который власти ссылаются как на правовое основание для принятия оспариваемого решения, должен быть достаточно ясным и точным, а также должен предусматривать меры против произвола властей²⁵. Заявители в своих жалобах утверждали, что закон²⁶, предусматривающий соответствующие ограничения, не был достаточно ясным, не предоставлял возможности предвидеть последствия его применения, его соответствующие положения носили автоматический характер; они также жаловались на расплывчатость некоторых правовых понятий и отсутствие судеб-

ного контроля²⁷. В комментируемых делах Суд, впрочем, отказался дать оценку этим доводам заявителей на аналитической стадии проверки законности действий российских властей, указав, что соответствующие жалобы заявителей были тесным образом связаны с вопросом о пропорциональности ограничений.

Аналогичным образом Европейский Суд без особых колебаний пришёл к выводу о том, что ограничения прав заявителей преследовали законную цель, посчитав, что цели, которые привёл Конституционный Суд в своём постановлении о проверке конституционности статьи 14.1 закона «О погребении и похоронном деле» могут оправдывать вмешательство в права заявителей²⁸.

После этого Европейский Суд перешёл к рассмотрению вопроса о том, было ли ограничение прав заявителей в данных делах пропорциональным заявленным целям²⁹, и пришёл к выводу об имевших место нарушениях Конвенции³⁰.

Свой анализ Европейский Суд начал с ряда важных оговорок. Во-первых, он указал, какого подхода намерен придерживаться: он даст оценку действиям российских властей в контексте обстоятельств конкретных дел, находящихся на его рассмотрении, а не абстрактную оценку законодательства, применённого в делах заявителей. Во-вторых, Суд отметил, что он, в принципе, готов согласиться с российскими властями в том, что в определённых условиях некоторые ограничения прав заявителей в отношении организации похорон их родственников могли бы быть оправданы ради достижения заявленных целей.

²² Статья 14.1 Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле».

²³ *Sabanchiyeva and Others*. § 124–127. *Maskhadova and Others*. § 213–216.

²⁴ Европейский Суд сослался в этой связи на своё постановление по делу Александры Дмитриевой. См.: ECtHR. *Aleksandra Dmitriyeva v. Russia*. Application No. 9390/05. Judgment of 3 November 2011. § 104–107.

²⁵ См.: *Harris D., O'Boyle M., Warbrick C. Law of the European Convention on Human Rights / 2-d edition*. Oxford: OUP, 2009. P. 400.

²⁶ По сути, речь шла о двух законодательных актах: уже упомянутом Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» и действовавшем на момент событий Федеральном законе от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

²⁷ *Sabanchiyeva and Others*. § 115. *Maskhadova and Others*. § 216.

²⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 года № 8-П, подпункты 3.1–3.2. Конституционный Суд сослался на «интересы пресечения терроризма, его общей и специальной превенции, ликвидации последствий террористических актов, сопряженных с возможностью массовых беспорядков, столкновений различных этнических групп, эксцессов между родственниками лиц, причастных к террористическим актам, населением и правоохранительными органами, угрозой жизни и здоровью людей», а также на необходимость минимизации «информационного и психологического воздействия, оказанного на население террористическим актом, в том числе ослабление его агитационно-пропагандистского эффекта».

²⁹ *Sabanchiyeva and Others*. § 135–147. *Maskhadova and Others*. § 225–238.

³⁰ Данное решение было принято большинством судей Палаты Суда. Два судьи (Ханлар Гаджиев и Дмитрий Дедов) выразили совмещенное особое мнение.

Далее Суд, однако, заявил, что ни одна из целей, на которые ссылались российские власти, не могла оправдать те чрезвычайно суровые меры, которые были применены к заявителям, учитывая, что последние не имели возможности принять участие в похоронах или каким-либо иным образом отдать последнюю дань уважения своим погибшим родственникам. В настоящих делах ограничение прав заявителей носило автоматический характер и было произведено без оценки индивидуальных обстоятельств. Более того, российские власти не посчитали нужным применить ограничения, которые могли носить менее суровый характер. В таких обстоятельствах отказ выдать заявителям тела их погибших родственников являлся не чем иным, как попыткой наказать заявителей за то, что они не совершали. Европейский Суд подчеркнул, что российские власти не установили справедливый баланс между правом заявителей на уважение их частной и семейной жизни и преследуемыми публичными интересами, и заключил, что «государство-ответчик вышло за любые допустимые рамки свободы усмотрения»³¹.

Дополнительно Европейский Суд установил нарушение требований статьи 13 в сочетании со статьёй 8 Конвенции в связи с отсутствием эффективного средства правовой защиты. Суд принял во внимание два фактора: во-первых, отказ в предоставлении заявителям копий постановлений о прекращении уголовного преследования, а также тот факт, что заявители не могли через суд добиться оценки необходимости принятия оспариваемой меры как таковой, так как запрет на выдачу тел носил абсолютный характер³².

И в *деле Сабанчиевой*, и в *деле Масхадовой* заявители также жаловались на то, что отказы выдать тела их родственников нарушили их право на свободу мысли, совести и религии (ст. 9) и право не подвергаться дис-

криминационному обращению (ст. 14 в сочетании со ст. 8). Европейский Суд, сославшись на свои выводы и аргументацию относительно нарушения положений статей 8 и 13 Конвенции, счёл, что необходимость в отдельном рассмотрении жалоб заявителей на нарушение требований статьи 9 Конвенции отсутствовала³³. В том, что касается жалоб на то, что особый порядок погребения был применён исключительно к лицам, исповедующим ислам и принадлежащим к чеченскому этническому меньшинству, Европейский Суд нарушений не установил. Суд указал, что законодательство не было направлено против этой конкретной группы лиц, и заявители не подверглись обращению, отличному от обращения с другими лицами в аналогичной ситуации исключительно по причине их религиозной или этнической принадлежности³⁴.

Заключение

Очевидный результат рассмотрения Европейским Судом двух дел, касающихся применения положений об особом порядке погребения террористов, — признание российских властей ответственными за нарушение требований Конвенции. Впрочем, трудно себе представить специалиста, хорошо знакомого с правоприменительной практикой Суда, который бы не смог предсказать негативного для государства-ответчика исхода рассмотрения этих дел. Но, как часто бывает в юриспруденции, дьявол прячется в мелочах.

Внимание читателя, безусловно, привлекут достаточно жёсткие формулировки, которые Европейский Суд использовал при обосновании принятого им решения: он отметил, что вмешательство в права заявителей было чрезвычайно суровым, что характер мер, к которым прибегло государство-ответчик, не мог быть оправдан целями, на которые ссылались российские власти, и что государство вышло за все мыслимые рамки свободы усмотрения.

³¹ *Sabanchiyeva and Others*. § 146. *Maskhadova and Others*. § 237.

³² *Sabanchiyeva and Others*. § 154. *Maskhadova and Others*. § 245. Европейский Суд особо отметил, что, несмотря на то, что после вынесения постановления Конституционного Суда, касавшегося особого порядка захоронения террористов, ситуация изменилась в лучшую сторону, российские суды были уполномочены рассмотреть лишь вопрос о формальной законности ограничительной меры, и, следовательно, у заявителей отсутствовали эффективные процессуальные гарантии против произвола властей.

³³ *Maskhadova and Others*. § 249. *Sabanchiyeva and Others*. § 158. В *деле Сабанчиевой* Европейский Суд аналогичным образом отказал заявителям в рассмотрении их жалоб на то, что отказ выдать тела их родственников для захоронения противоречил требованиям статьи 3 Конвенции (недопустимость бесчеловечного обращения).

³⁴ *Maskhadova and Others*. § 253. *Sabanchiyeva and Others*. § 162.

Однако это лишь одна — бросающаяся в глаза — сторона медали.

Вторая сторона, как представляется, не столь блестяща. Европейский Суд имел в своём распоряжении два различных по своим фактическим обстоятельствам дела, в которых российскими властями был применён один и тот же особый порядок захоронения террористов. Суд, не объединив эти дела в одно, предпочёл, тем не менее, рассмотреть их вместе, о чём свидетельствует не только дата вынесения постановлений, но и во многом идентичный текст мотивировочной части решений. Такой подход к анализу этих дел, на первый взгляд, предоставлял Суду более широкие возможности по оценке качества закона, послужившего основанием для оспариваемых мер, а также целей, которых государство предполагало с их помощью добиться³⁵. Суд не воспользовался этими возможностями; вместо этого он сделал всё, чтобы уйти от явной оценки положений российского законодательства: начиная с формулировки правовой проблемы как отказа в выдаче тел погибших родственников заявителям³⁶ и заканчивая перенесением основной части анализа на стадию рассмотрения пропорциональности решений, принятых российскими властями.

Европейский Суд поспешил заверить стороны и сторонних наблюдателей в том, что он не рассматривает положения законодательства *in abstracto*, и что он анализирует исклю-

чительно обстоятельства конкретных дел. Однако в комментируемых делах эта оговорка Суда является не столько системообразующим принципом, сколько ширмой. В мотивировочной части два постановления отличаются незначительно, а ряд индивидуальных деталей, которые должны были бы привлечь внимание Суда, если бы последний действительно рассматривал конкретные фактические обстоятельства этих дел, опущен³⁷. В результате это внутреннее противоречие делает комментируемые решения, по меньшей мере, методологически спорными, и, принимая во внимание стратегическую природу выбора Суда, возможно, не лишёнными немалой доли сарказма.

Мотивы, побудившие Европейский Суд прибегнуть к этой стратагеме, более или менее очевидны: это и последние сдвиги в практике Суда в сторону, по крайней мере, формального уважения свободы усмотрения государств, и сравнительно недавние трения страсбургского юрисдикционного органа с российскими властями, которые выражали неудовлетворённость тем, что Суд позволял себе давать общие оценки российскому законодательству³⁸. Следует отметить, впрочем, что сарказм, равно как и умение находить наименее обременительные пути для установления нарушений, допущенных государством-участником, не относятся к перечню «достоинств», которыми международному суду по правам человека пристало гордиться.

³⁵ В этой связи важным представляется высказанное Судом мнение, согласно которому характер мер указывает на то, что последние являются, по сути, наказанием заявителей за деяния, совершённые их родственниками.

³⁶ Отказ по определению носит индивидуальный характер. Иначе бы обстояло дело, если бы Суд сформулировал проблему как, например, соответствие требованиям Конвенции порядка захоронения террористов.

³⁷ Например, тот факт, что трупы террористов, убитых во время столкновений в Нальчике, были кремированы, не нашёл никакого отражения в мотивировочной части постановления по делу *Сабанчиевой*. Между тем в описательной части и в части, в которой изложено применимое национальное право, международное и сравнительное право, вопрос кремации освещён достаточно подробно.

Вызывает по меньшей мере удивление также и ещё одно упущение Европейского Суда. В отличие от дела *Масхадовой*, в решении о приемлемости по делу *Сабанчиевой* (ЕСТНР. *Sabanichiyeva and Others v. Russia*. Application No. 38450/05. Decision of 6 November 2008) он провозгласил приемлемой жалобу заявителей о том, что отказ передать тела родственников заявителей для погребения нарушает *права погибших* по статье 3 Конвенции. В окончательном постановлении Суда рассмотрению этого вопроса не нашлось места: он так и остался в своеобразном страсбургском лимбе.

³⁸ В этой связи можно обратить внимание и на отличия между постановлениями Палаты и Большой Палаты по упомянутому выше делу *Константина Маркина*. Большая Палата, подтвердив решение, ранее принятое Палатой, предпочла снять критические высказывания в адрес Конституционного Суда и убраться мнение о том, каким образом установленные нарушения могут быть предотвращены в будущем.